

Сергей Котелко

Шахский дворец

В этой статье речь пойдет об одной из жемчужин архитектуры Одессы, прочно вошедшей в память одесситов как Шахский дворец. Но, вглядываясь в архитектуру дома, вы не найдете в ней ничего персидского – скорее какая-нибудь загородная английская усадьба XIX века. Копнув поглубже историю, вы, наверно, узнаете, что с этим домом связано имя шаха Ирана. Но не он его построил и никогда им не владел! Кому же мы обязаны появлением этого дома в Одессе, и чей он был в действительности? История его появления довольно интересна. Вначале хочу сразу оговориться – я намеренно буду в основном употреблять слово «дом» в своем рассказе вместо слова «дворец», так как дворцом он стал называться только после того, как в нем поселился пусть и бывший, но шах Ирана: до этого же он был либо домом, либо двором.

Выстроили и большую часть его истории владели этим домом дворяне Белина-Бжозовские (*пол.* Brzozowski z Brzozowa h. Belina). Здесь сделаю еще одну оговорку, по поводу написания фамилии: в польском языке буква «z» или сочетание «gz» читаются практически одинаково, и, скажем, на диктанте в польской школе вы никогда на слух не отличите, «z» или «gz» сказал преподаватель, и напишете «z» (пишу это со слов консультировавшего меня поляка), поэтому написание фамилии Бжозовский совершенно правильно, а Бржозовский, на мой взгляд, или простое переписывание по буквам, или вкусовщина, потому что «g» в польском не читается отдельно. К тому же, встречается множество других вариантов написания, вплоть до «Березовский»,* и это

* Например, в первом издании подробного городского справочника Висковско-го «Путеводитель по г. Одессе с подробным планом». – Одесса, 1875, с. 42.

тоже можно считать правильным, просто «brzoza» по-польски не что иное как «береза», так что такое написание – просто перевод этой фамилии на русский язык. Хотя, надо признаться, что в дореволюционное время в документах встречается именно Бржозовский, но правда и то, что звучание при прочтении данного варианта по буквам будет неправильным. В общем, дело вкуса.

Род Белина-Бжозовских не принадлежит к особо знатным дворянским родам польского происхождения. Фамилия происходит от шляхетского герба Белина из Бжозова, города в Польше, откуда берет свое происхождение эта семья. По существующей легенде, первым из Бжозовских, кто переселился из Польши на Русь, стал Войцех, панцерный хорунжий, служивший польскому королю Яну III Собескому. В начале XVI века Войцех переселился в так называемую Червоную Русь – ныне это западная часть Украины и юго-восточная – Польши. Его сыновья основали две главные ветви рода – галицкую и подольскую. Зенон Карлович Белина-Бжозовский, о котором пойдет речь у нас, принадлежал к подольской ветви и был праправнуком Войцеха, основателя ветви. В Подольской губернии Бжозовские осели в имении Соколовка. По одной из существующих версий, эту деревню приобрел внук Войцеха, Феликс, в 1795 году.**

Феликс Белина-Бжозовский стал основателем того могущества, которого этот род достиг в XIX веке, и которое, собственно, позволило ему так красиво обосноваться в нашем городе. Он арендовал или скупал в Подольской губернии множество имений с весьма плодородными почвами, вводя на них довольно передовые способы возделывания и управления. Бжозовский учредил сберегательные кассы для служащих своей экономии, ввел опекунские отношения между баринном и крепостными, создал крестьянский банк, госпиталь, в котором оплачивал постоянно-го доктора. На своих полях Феликс выращивал самый ходовой товар той эпохи – пшеницу, которую на волах свозили в Одессу и отправляли на экспорт в Европу. Торговля шла очень успешно, это было золотое время и Одессы, и Белина-Бжозовских. Он имел в Одессе и так называемые магазины – амбары для привезенной пшеницы, откуда потом ее вывозили уже непосредственно в порт

** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Том 10, с. 361.

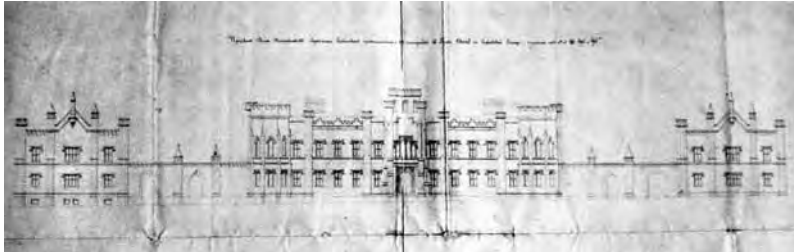
для погрузки на корабли. Но деловые интересы потребовали иметь возможность длительного присутствия в Одессе, и встал вопрос об устройстве здесь своего дома, который, к тому же, мог подчеркнуть новый статус семьи.

Вернемся немного назад. Окончательно твердо стать на ноги Феликсу Белина-Бжозовскому очень помогла удачная женитьба на Текле Собанской (1754-1812), в приданом которой значилось 180000 польских злотых – целое состояние. Собанские в это время уже были весьма могущественным родом в Подолии, и Бжозовские пересеклись с их семьей весьма серьезно, как брачными, так и, вероятно, дружескими и деловыми узами. По одной из легенд, сын основателя подольской ветви Бжозовских, Игнатий, или Игнаций, как это звучит по-польски, переселился в Подолию благодаря Матеушу Собанскому, а затем Игнаций женил своего сына Феликса на Текле Собанской. Брат Теклы, Иероним, или Героним, как тогда говорили и писали, должен быть хорошо известен одесситам как неудачливый муж прекрасной Каролины Собанской и тот, кому иногда приписывают строительство Собанских казарм. На самом же деле их построил его племянник Александр Собанский. В Одессе на улице Карантинной в самом начале XIX века появился дворец Собанских, одно из первых сооружений такого рода в нашем городе вообще. К середине века доходы Собанских достигли такого уровня, что возникла необходимость постройки гораздо более масштабного дворца. Место было выбрано подходящее – на Софиевской. В ту пору это был своеобразный «дворцовый» район Одессы – в начале улицы красовались дворец Нарышкиных* и дворец Александра Потоцкого, позднее «Архиерейский дом»**. Сам Иероним Собанский не успел ничего построить (он умер в 1845-м). А в начале 1850 года, а именно 25 марта,** в одесский Строительный комитет от поверенных наследников Иеронима на утверждение поступает план на постройку на Софиевской улице на углу с Торговой грандиозного по размерам дворца в неоготическом стиле с английским уклоном. Автором

* Ныне Художественный музей, Софиевская, 5а.

** Софиевская, 7, ныне Одесский ювелирный завод. Был конфискован у Александра Потоцкого за участие в польском мятеже 1831 года и передан церкви, после чего стал именоваться Архиерейским домом.

*** Даты по старому стилю.

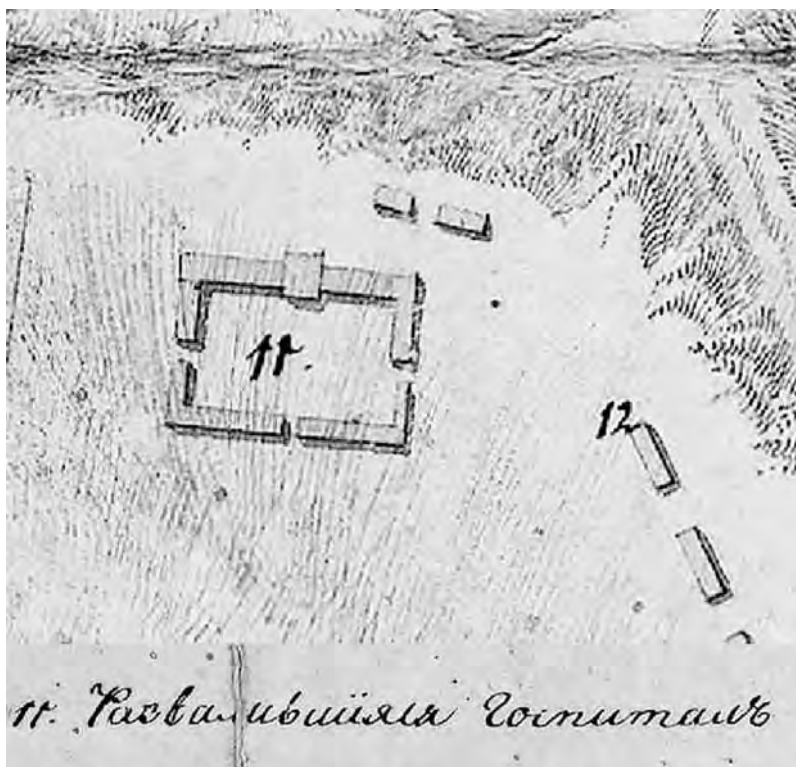
Общий вид предполагавшегося к постройке на Софиевской дворца Собанских

был доселе никому в Одессе не известный 35-летний архитектор Феликс Викентьевич Гонсиоровский. Дворец планировался весьма масштабным в длину, по Софиевской улице он должен был занимать участок от Торговой до Конной, а по Торговой в сторону моря – еще полквартала. Дворец должен был быть двухэтажным и представлять собой центральный корпус с тремя башнями и два флигеля, соединенных переходами с главным корпусом. Перед дворцом предполагался газон овальной формы.

Как пишет Олег Губарь, Гонсиоровский, возможно, прибыл в Одессу около 1848 года. **** Вполне можно предположить, что его пригласил сюда кто-то из Собанских, которому он что-то строил в Подольской губернии, так как довольно сложно предположить, что неизвестному архитектору сразу заказывают столь грандиозный дворец. Строительным комитетом проект был одобрен, но Одесса так и не увидела его осуществления. Почти не увидела...

Неизвестно точно, почему, но Собанские отказываются от строительства своего дворца в Одессе. Но уже через год, в 1851 году, Зенон Карлович Белина-Бжозовский (Zenon Izidor Antoni Brzozowski h. Belina, 12.IV. 1806 – w Sokolowce – 5.IV.1887 – Warszawa), внук Феликса Бжозовского и Теклы Собанской, о которых я рассказывал выше, совсем не далеко от Софиевской и Торговой начинает строительство своего дома. Бжозовский приобрел там два участка, по существовавшей в то время системе нумерации – в LXXV квартале за номером 779 и 780. Участок с видом на море, в самом начале тогдашней Надежной, позднее –

**** Олег Губарь. «Легенда о «Шахском дворце».

Здание военного (морского) госпиталя на месте, где в будущем разместится дом Бжозовского.
Фрагмент Генерального плана местоположения гавани и города Одессы, 1802

Надеждинской улицы, ныне Гоголя. Как упоминает в одной из своих работ Ростислав Александров, участок, который приобрел Зенон Карлович для устройства одесской резиденции, «...до этого отведенный под военный госпиталь. Несмотря на протекцию Франса де Волана, госпиталь для доблестных защитников южных границ Новороссии, начатый в 1794 году, вскоре превратился в почти советский «долгострой» и на рубеже XVIII и XIX веков был разобран».* Госпиталь все же был построен,

* Статья Ростислава Александрова без названия, посвященная Шахскому дворцу. <http://odesskiy.com/ulitsi-v-istorii-odessi/shahskiy-dvorec.html>

об этом говорит изучение карт конца XVIII века – начала XIX. На них видна судьба здания: на карте 1796-го года оно показано как «Прожектируемая гофшпиталь», на карте 1798 года – как «гошпиталь морская», а в 1802 – «развалившаяся госпиталь».** Надо сказать, огромное и интересное было сооружение.

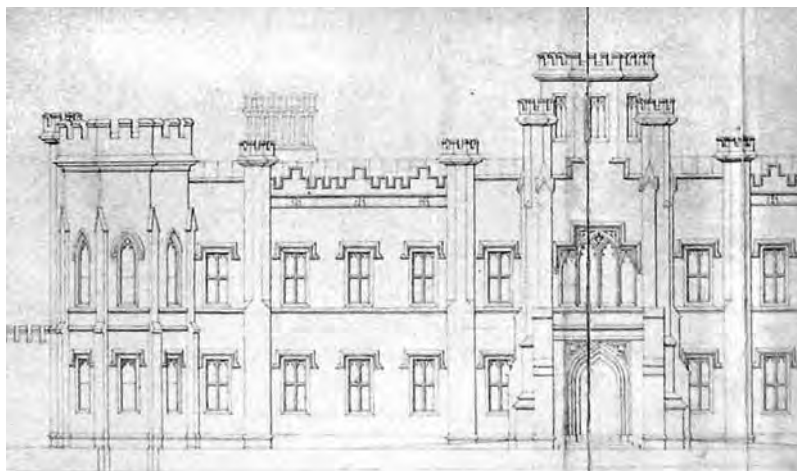
Каких-либо прямых документов, в которых зафиксировано само приобретение земли под будущую резиденцию Зеноном Карловичем Бжозовским, не найдено, но сохранились ссылки на них из более позднего документа от 1886 года (к нему мы еще вернемся). Там говорится: «Вышепрописанное недвижимое имущество досталось [...] Зенону Карловичу Бржозовскому покупкою от дворянина Феликса Павловича Машевского и князя Романа Евстафьевича Сангушко по трем купчим крепостям, совершенным в Одесском коммерческом суде; первая – шестнадцатого июля тысяча восемьсот сорок девятого года, за № четыреста восемьдесят четвертым, вторая – восьмого мая тысяча восемьсот пятьдесят первого года за № сто ...десят пятым, и третья – шестнадцатого марта тысяча восемьсот шестьдесят шестого года за № семьдесят восьмым».**

Итак, мы видим, что Бжозовский начал покупать тут землю до того, как Собанские утвердили в Строительном комитете проект своего дворца. Подробности находим в Сенатских объявлениях (там подтверждались все сделки по недвижимости в империи): 16 июля 1849 года «дворянин Феликс Павлович Машевский продал дворянину Зенону Карловичу Бржозовскому (Березовскому) участки № 779, 780». Это два одинаковых параллельных друг другу участка земли, на которых теперь стоит сам дом Бжозовского: 779 – фасадный вдоль Гоголя, 780 – параллельно за ним. 8 мая Бжозовский покупает соседний участок – у того же Машевского, и здесь речь идет об участке, идущем вниз по обрыву к Приморской улице, «в семьдесят четвертом квартале под литерою «А». К третьему участку, о котором говорится в документе, мы вернемся позднее, так же, как и к князю Сангушко, у которого он был куплен.

** Изучение карт проведено Анатолием Изотовым.

*** ГАОО, 35-1-33772. О продаже двор. Владиславом и др. Бржозовскими графу Иосифу Шембеку двора в I части г. Одессы. Лист 17 об. – 18. Документ: Выпись из крепостной Одесского нотариального архива книги по первой части города Одессы на 1886 год, часть 1, № 1.

Фрагмент дворца Собанских крупным планом

Получив от Гонсиоровского проект и утвердив его 9 марта 1851 года в Строительном комитете, Зенон Карлович приступает к строительству. Вводный лист – то есть документ на право владения вторым участком, был получен 16 июня 1851 года. Если предположить, что строительство началось сразу после получения вводного листа, то есть в июне-июле 1851, а строительный сезон в Одессе обычно заканчивался в октябре, то скорее всего, закончена постройка дома была не ранее осени следующего года.

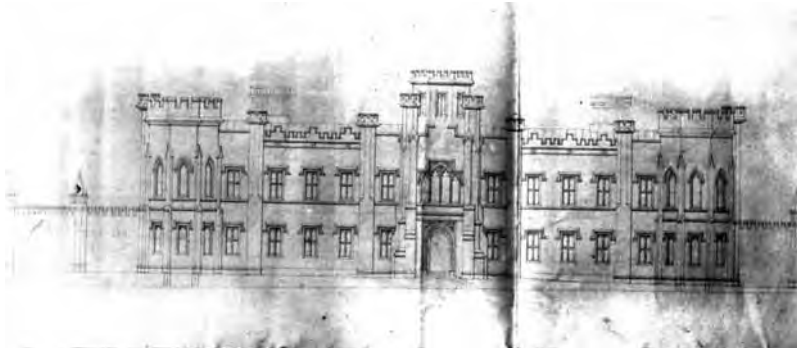
Глядя на архитектуру дворцов Собанских и Бжозовского, легко можно увидеть полное сходство практически всех деталей! Стиль построек один и тот же – неоготика. Вероятнее всего, Собанские рекомендовали своим родственникам Бжозовским известного только им архитектора Гонсиоровского и в качестве доказательства его таланта продемонстрировали проект их предполагавшегося одесского дворца. Впервые мне эту легенду – о том, что корни «Шахского» дворца растут из не построенного дворца Собанских, рассказал граф Михал Собанский, когда приезжал в Одессу. При чем он до этого никогда не видел чертежей проекта дворца Собанского. Он знал только, что «дворец свой Бржозовский построил

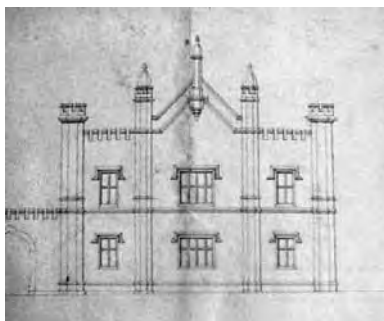
Современный вид дворца Бжозовских. Единственное отличие боковых башен от проекта дворца Собанского – наличие панно с розетками под стрельчатыми окнами второго этажа

такой же, какой хотели строить наследники Иеронима, только маленький – денег у него было не так много». Когда глядишь на оба дворца, создается впечатление, что архитектор просто немного перетасовал детали, двигая их с одного места на другое. Такие большие детали, как угловые башни, одинаковы практически до мельчайших подробностей. Форма окон, наличников и первого, и второго этажей – идентичны. Различия же связаны скорее с адаптацией дворца к новому месту расположения. Участок, купленный Бжозовским, был меньше того, который был у Собанских, и имел другую форму – это, конечно, потребовало переосмысления проекта. Здесь нужно пояснить, что купленное Бжозовским место – это один из двух краев Военной балки, на противоположной стороне которой тогда уже стоял прекрасный Воронцовский дворец с его колоннадой, так что архитектору предстояло подумать и об украшении морского фасада Одессы – ведь

Архитектор Гонсиоровский. Особняк Бжозовского. Фасад.
 Державна наукова архітектурно-будівельна бібліотека ім. Заболотного, інв. № 267013

Правый флигель дворца Собанских, его треугольный фронтон стал центральным ризалитом фасада дома Бжозовских по ул. Гоголя

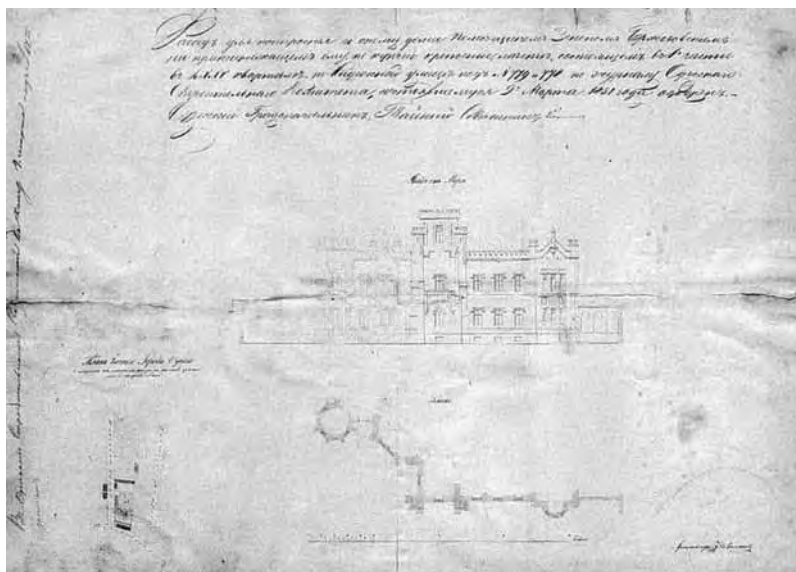
это первое, что видели приплывавшие сюда в большом количестве торговые корабли. А покупали они здесь, в том числе, и пшеницу Бжозовского. Именно поэтому главный акцент сместился в сторону моря, чего не было в проекте дворца Собанского. Украшая «морской фасад Одессы», центральная башня – ризалит дворца Собанских, в построенном варианте для Бжозовских переехала в сторону моря, на угол, немного сменив детали. Например,

вместо тройного готического окна второго этажа сюда поместили одинарное, аналогичное рисунку других окон здания, стрельчатые двери были заменены окнами. Главный вход переместился на южный, боковой фасад, где устроен двухэтажный портик с фонтаном перед ним. Из-за размеров участка дворец лишился двух флигелей, соединявшихся с главным корпусом посредством галерей, но тем не менее элементы этих утраченных частей нашли свое применение и в новом дворце. Их средняя часть, с треугольным фронтоном

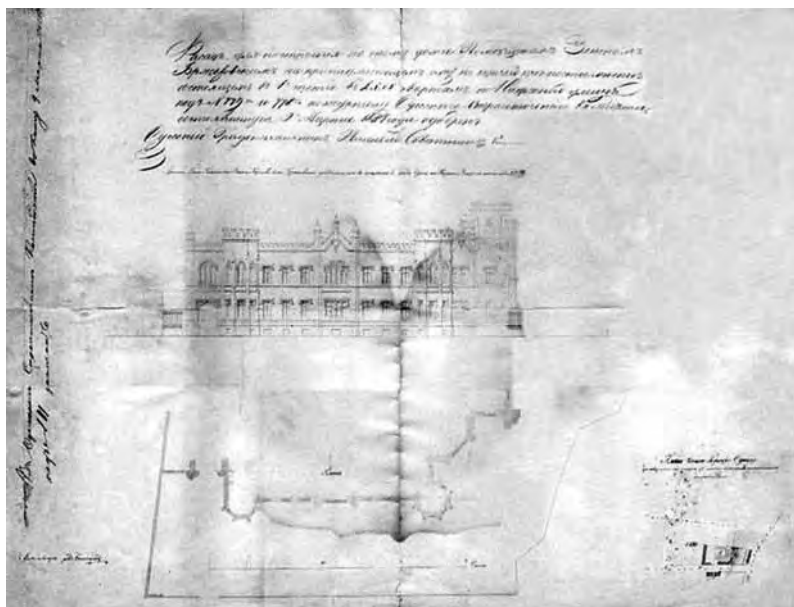
и двумя башенками, использована в центральном ризалите фасада по улице Гоголя, здесь же было использовано и тройное готическое окно, взятое из центрального ризалита дворца Собанских. Эти же детали боковых флигелей, но с добавлением эркера, найдены на правом углу морского фасада.

Одно из забавных подтверждений того, что Гонсиоровский построил уменьшенную копию дворца Собанского, нашлось в библиотеке имени Заболотного в Киеве – там хранится копия плана фасада дворца Собанского, но атрибутирован он как план дворца Бжозовского...

Кстати, несколько слов о «морском фасаде Одессы». Конечно, это в первую очередь Приморский бульвар, заканчивавшийся Воронцовским дворцом. Вниз к Военной балке спускался сад князя Воронцова, а вот дальше в те годы был довольно большой разрыв – вплоть до дворца Нарышкиных, впрочем, скорее его сада. А могло быть совсем иначе. Место прямо напротив дома

Архитектурный план дворца Бжозовского, 1851 год. ГАОО 895-1-384 и 404

Фасад и ситуационный план для построения дворца Бжозовского, 1851 год

Бжозовского с 1832 года по 1847 принадлежало «действительному камергеру графу Петру Разумовскому», и там был построен некий «дом со службами», а как мы знаем, тогдашний «дом» – ныне это дворец. Кроме того, тот самый Феликс Машевский, у которого Бжозовский приобрел участки земли для постройки своего дома, писал в Строительный комитет, что, «имея все нужные материалы и значительные средства», он желает на противоположном Воронцовскому саду углу Военной балки (на пересечении Военного спуска и Приморской улицы) «построить красивое каменное здание, крытое железом в два этажа». * Был бы еще один дворец, но не сложилось. Но Феликс Павлович Машевский построил себе дом, правда, выше по Гоголя, зато даже на год раньше, чем Бжо-

* ГАОО 59-1-3195. Об отводе дворянину Феликсу Машевскому места подле спуска Военной балки. Л. 16.

зовский (в 1850-м), и кстати, с помощью того же архитектора Феликса Гонсиоровского.

Сын Феликса Бжозовского и Теклы Собанской Карл Феликсович настолько преумножил свое состояние, что приданое его дочери Ксаверии исчислялось уже миллионом. Он также продолжал заниматься экспортом хлеба через Одессу, причем к этому занятию всячески стимулировал и своих крестьян, помогая им, в том числе, деньгами.** Его единственным сыном как раз и был строитель дворца в Одессе Зенон Карлович Белина-Бжозовский, или просто Бжозовский. Кем был Зенон Карлович Бжозовский? Родился 12 апреля 1806 года в своем родовом имении Соколовке, тогдашнего Ольгопольского уезда Подольской губернии, сейчас это юг Винницкой области. Его образование было типичным для его круга – вначале это домашнее образование, затем подкрепленное обучением в Волынском университете, что в Кременце. И наконец длительное путешествие по Европе, чтобы «увидеть мир». Во время этого путешествия в 1835 году он познакомился со своей кузиной, Анелией Мощинской. Молодой человек сразу влюбился, но все попытки добиться ее руки были безуспешны. Безутешный Бжозовский прибыл в 1836 году в Вечный город, где познакомился сразу с двумя великими польскими поэтами – графом Зигмунтом Красинским и Юлиушем Словацким, которые наряду с Адамом Мицкевичем являются одними из самых значимых польских поэтов. О том, как Адам Мицкевич связан с нашим городом, думаю, известно многим, а вот о Юлиуше Словацком известно меньше. Зенон Карлович находился с ним в приятельских отношениях. Интересно, что сам Словацкий в своих письмах упоминает о нем как о художнике: «Przejeżdżał tedy (przez Florencyę) malarz Brzozowski z Rzymu, jadąc do kraju...»*** Видимо, там же Зенон поделился со Словацким историей своей любви, и она впечатлила поэта – считается, что Словацкий вывел образ возлюбленной Зенона Карловича Анели Мощинской в своей поэме «Бенёвский». Бжозовский и Словацкий затем вместе совершили экспедицию

** Roman Aftanazy, Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Tom 10, c. 363.

*** Dziela Juliusza Slowackiego objasnil dr. Henryk Biegeleisej . Tom II. Lwow, Nakladem ksiegarni polskiej . Z drukarni i litografii Pillera i Spolki. 1894, c. 458.

на Восток. Это путешествие было в духе того времени. Сравнительно недавняя наполеоновская экспедиция в Египет, когда вместе с армией Наполеона прибыли ведущие французские археологи, ученые, художники, плюс в 1822 году были прочитаны древние иероглифы – все это невероятно подогревало интерес к Востоку.

Восток тогда был овеян славой страны бедуинов, первобытных и свободных сынов пустыни. Путешествия в эти сказочные по тогдашним европейским представлениям страны совершили Джордж Байрон и Франсуа Шатобриан, Адам Мицкевич отправился в Иерусалим в качестве паломника. Не избежал восточной лихорадки и Оноре де Бальзак. Это увлечение проявлялось и в моде – в Европе запросто носили халаты и тюрбаны. Поэтому нет ничего удивительного, что два молодых человека также решили отправиться на Восток. Эта экспедиция очень широко освещена в польской литературе, о ней издано немало книг и работ. Я остановлюсь на некоторых моментах, которые понравились мне.

Путешественники отправились в путь 24 августа 1836 года. Они побывали в Греции, Египте, Сирии. Экспедицию, вероятно, финансировал Зенон Карлович. Об этом пишет в письме своей сестре дядя поэта, Теофил Янишевский: «У него достаточно денег на всю поездку... потому что от попутчика (Зенона Бжозовского) его почти заставили взять тысячу рублей с условием, что он вернет их ему за 4 года, так что с этой стороны... спокойно».* Путешествие, которого Словацкий несколько опасался, без приключений не обошлось. Так, в самый канун Рождества на море был сильнейший шторм. Бжозовский играл на чекане (этакая чешская или венгерская народная разновидность флейты) и пел колядки, а Словацкий мечтал поскорее оказаться дома. Оба путешественника во время поездки делали многочисленные наброски и этюды увиденного. У Словацкого их набралось на два альбома, в них рисунки карандашом и акварелью с натуры, и среди них также портрет Зенона Бжозовского. Я его тщетно искал, но, увы, нашел только описание – карандашный портрет, на котором изображен Зенон Бжозовский в дорожном головном уборе, сидящий у стены и пишущий либо рисующий что-то. А вот рисунки, сделанные Зеноном Бжозовским, не так известны, кроме одного: это набросок,

* Там же, с. 53.

подписанный «Kolega Podróży Juljusz Slowacki», изображает Словацкого на лошади. Бржозовский, видимо, сам ехал сзади на лошади, когда делал этот, надо сказать, совсем не плохой набросок.

Существует, конечно же, и конспирологическая версия путешествия из разряда шпионских. Так, в «National Geographic» пишут, что «Недельное пребывание Словацкого и Бжозовского в Александрии заставляет некоторых исследователей выдвигать тезис о том, что поездка была также своего рода политической разведкой на Ближнем Востоке

Zenon Brzozowski. Kolega podróży Juljusz Slowacki

по заказу князя Адама Чарторыйского». Помните этого персонажа? Еще недавно друг Александра I, член «Негласного комитета», да в придачу министр иностранных дел всей Российской империи, по совместительству последний частный владелец крепости Меджибож, что в Хмельницкой области.** Затем – один из главных участников польского мятежа 1830-31 гг. Теперь же он тоже сражается за независимость Польши, но уже не на поле битвы, а в эмиграции. Так вот, якобы «Словацкий будет искать оставшихся там поляков и исследовать их возможную пригодность для роли агентов князя. Известно, что поэт провел несколько политических переговоров, относительно легко добирался до людей высокого уровня». Так ли это на самом деле, не знаю, мне это довольно сомнительно: например, каких таких поляков собирался найти в Египте или Сирии князь Чарторыйский? Что они там делали, и сколько ж их там должно было быть, раз целую экспедицию снарядили на их поиск, – непонятно. Но нас не так интересует это, как то, участвовал ли в этом каким-то образом

** national-geographic.pl, Juljusz Slowacki. 2011-02-09

наш Зенон Бжозовский. Но это тоже неизвестно, как и то, принимал ли Зенон Карлович участие в польских мятежах, в которых, как видно из текста в уважаемом журнале, принимал участие его приятель Словацкий. Во всяком случае, Бжозовский оружия в руки точно не брал и армию из своих крестьян не снаряжал, как делали многие другие польские дворяне, и потому имения у него, как у других участников мятежа, не конфисковывались. Кроме того, его отцу Карлу Феликсовичу события 1830-31 гг. совсем не помешали предъявить имущественные претензии тому самому князю Адаму Чарторыйскому – в архиве в Петербурге хранится «Дело о претензиях графов Браницких и помещиков Евстафья Собанского и Карла Бжозовского к имуществу мятежника (князя) Адама Чарторыйского», датированное 1852 годом.* Но в какой-то степени участие Зенон Карлович мог принимать, скажем, тайным финансированием. Во всяком случае, после событий 1831 года он выехал надолго за границу – может, от греха подальше? Но если выехал, значит, ему дали подорожную и дали паспорт, а раз дали – значит, не подозревали. Да и он не в Париж отправился на встречи проигравших, а поехал в большое путешествие по Европе и на Восток, куда мы опять вернемся.

Среди «людей высокого уровня», которых посетили приятели в своем путешествии, самым важным, пожалуй, был наместник Египта Мохаммед Али. Он был албанцем, который во время египетской кампании Наполеона сражался с ним как командующий албанцами в турецкой армии. После ухода французов он смог получить определенный суверенитет от султана. Умный, амбициозный, жестокий, он завоевал значительную часть Аравийского полуострова, Судана, Сирии, Палестины и Киликии. Сумел наладить отношения с Россией и Францией. Открыл Египет для европейского влияния. Этот неграмотный человек был великим реформатором во всех сферах жизни Египта, взявшего на себя роль независимого государства и гегемона в арабском мире. Мохаммед Али встретил наших путешественников «очень вежливо, долго просидел с ними, беседуя об изменениях, которые он проводил в Египте». Об этом

* РГИА, ф. 1152, оп. 4, 1852 г., д. 210.

** Вікторія Колесник. Відомі поляки в історії Вінниччини: біографічний словник. С. 45.

посещении мы узнаем из воспоминаний о Зеноне Карловиче Бжозовском, написанных его сестрой Ксаверией Грохольской.***

В Египте Словацкий посвятил Зенону стих, который назывался «Поздравление с Новым годом, или К Зенону Бжозовскому». На самом деле это скорее стихотворный тост, совсем не большой.

Wielmozny Panie!
Powinszowanie
Nowego Roku,
Co peta w kroku
Na tej pustyni,
Niech cie uczyni
Bardzo wesolym...

Скажем так, мелочь, но приятно.

Впрочем, каковы были настоящие отношения между Словацким и Бжозовским, тоже вопрос открытый. Например, вот что пишет об этом сам Словацкий: в одном из писем к своей матери он назвал Зенона Бжозовского «непоэтичным» попутчиком, с которым «мы никогда не понимали друг друга». И тут, конечно же, мы должны упомянуть о модной нынче в Европе теме – я писал выше о том, что среди знакомых Зенона Бжозовского помимо Юлиуша Словацкого был также и Зигмунт Красинский, поэт и известный любитель древностей. Возможно, он-то и вдохновил Словацкого на это путешествие – они дружили еще до знакомства с Бжозовским, но Юлиуш поехал не с ним. И, конечно же, биограф Словацкого Ян Зелинский идет в духе новых веяний и утверждает, что это была не просто дружба, и в доказательство приводит раздраженную реакцию Красинского на отъезд своего друга из Италии: «Я удивлен, что задница Бжозовского отправилась в Египет». В другом письме он пошел еще дальше – он был возмущен тем, что Словацкий выбрал себе в попутчики «величайшего дурака под солнцем и луной, одаренного золотом и глупостью».**** Может, и вправду ревновал... Как бы там ни было, но вскоре в Сирии путешественники разделились –

*** Доктор Мечислав Рокош (UJ Краков)? «Sliczna podroz» Slowackiego na Wschod (1836-1837).

**** national-geographic.pl. Juliusz Slowacki. 2011-02-09.

Зенон Карлович Белина-Бжозовский. Человек, подаривший Одессе одну из ее архитектурных жемчужин

видимо, «одаренность золотом» сделала свое дело: Зенон Карлович удачно прикупил арабских лошадей ценных пород и повез их в Константинополь, чтобы переправить в Одессу, а затем в Соколовку, а Словацкий остался в Дамаске.

Через некоторое время Словацкий напишет: «Зено (Бжозовский), мой спутник, женился, но он не писал мне, он, должно быть, забыл меня».*

Конечно же, Бжозовский, прежде всего, был предпринимателем. Его владения кроме упоминавшейся Соколовки включали Чеботарку, Левков, Цибулевку, Крикливец, Ракуловский Ключ, а также Жабокрич, Попелюхи, Козинцы, Китайгород, Савинцы и Куничье.

В наследство от своей матери он получил Ломачинский Ключ. В Польше ему принадлежали Вогунь, Липков и дворец в Варшаве. Всего в имениях Зенона Бжозовского проживало около 30000 населения! Хозяйство в имениях Бжозовского было организовано образцово, с использованием тогдашних передовых методов ведения хозяйства. Чего стоит метеорологическая станция при открытом в Соколовке сахарном заводе, которую он организовал уже на склоне своих лет, в 1874 году? Будучи католиком, построил две православные церкви в своих имениях. Был предводителем дворянства сначала Балтского уезда, а затем и всей Подольской губернии, участвовал в заседаниях Подольского губернского дворянского комитета для улучшения быта помещичьих крестьян (1858-1859 гг.). Польские источники пишут, что он, как дед и отец, еще до освобождения

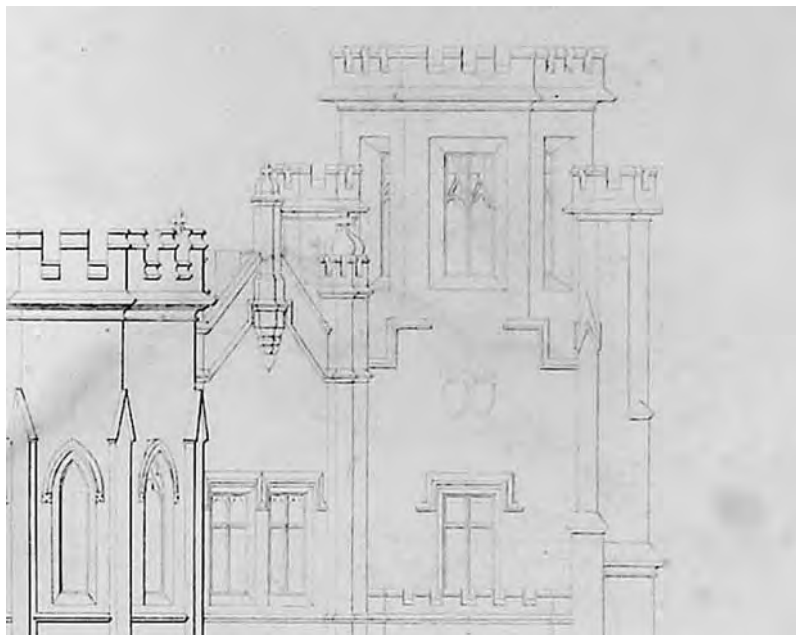
* *Dzieła Juliusza Słowackiego – objaśnił Dr. Henryk Biegeleisen. Tom II. Lwów, Nakładem księgarni Polskiej. Z drukarni i litografii Pillera i Spółki. 1894, c. 460.*

крестьян реформой 1861 года отпускал на волю всех, кто этого желает. Так это или не так, а также каково было количество этих отпущенных на свободу крестьян, я не знаю. Но как бы там ни было, для своих крестьян он организовывал школы, больницы, приюты, награждал за старания, способных обучал за свой счет, некоторых даже посылал учиться за границу.

Среди тех, кому он помог в этом, был Зигмунт Фелинский (Zygmunt Szczęśny Feliński). Он оплатил его обучение в Московском университете, а затем в Париже. Позднее Фелинский стал архиепископом Варшавы, а потом был канонизирован римско-католической церковью. Другой пример – крестьянин Иван Соколенко, вошедший в историю как художник-портретист Ян Заседатель. Он был помощником при буфете в имении Бжозовского, по рассказам, все свободное время посвящал рисункам, которые делал на клочках бумаги. Это заметил Зенон Карлович и сразу определил его в школу. Затем через некоторое время Зенон Карлович обратился к своему родственнику в Виннице, Тадеушу Грохольскому, который собирался в Париж, попросив его взять Ивана с собой. В Париже его определили в мастерскую к знаменитому Бонна, где он вскоре стал заниматься копиями картин старых мастеров. Вернулся на Подолье он уже Яном Заседателем, успешным и известным мастером.

Неудачное сватовство на долгие шесть лет отвадило Зенона Карловича от создания семьи, пока наконец в 1841 году он не женился на графине Елизавете Замойской (Elżbieta hr. Zamoyska h. Jelita, 1818-1857), соединившись таким образом с высшей польской аристократией. После свадьбы молодые поселились в Соколовке, где Зенон Карлович плотно занимался хозяйством своих многочисленных имений (на 1842 год их насчитывалось 16) и, конечно, привезенными с Востока лошадьми.** Но описанное выше путешествие на Восток было отнюдь не единственным, он часто ездил в Европу, где собрал богатую коллекцию картин, скульптур, книг и других произведений искусства. Можно предположить, что часть этой коллекции украшала и одесский дом Бжозовских. Вернемся туда.

** Вікторія Колесник. Відомі поляки в історії Вінниччини: біографічний словник. С. 46.

Фрагмент архитектурного плана дворца 1851 года с отличающимися от построенного элементами: треугольного фронтона и картушей с гербами на построенном дворце нет

Строительство одесского дома закончилось в 1852 году. Он, безусловно, стал значимым архитектурным объектом молодого города и был в числе немногих помещен в одном из первых одесских путеводителей, изданном в 1867 году в известной типографии Людвиг Нитче. Но выглядел он, конечно, не так, как сейчас, после «евроремонта», сделанного на рубеже XX и XXI веков, – дворец был не таким! Он еще лет 20 назад сохранял свой оригинальный внешний вид, остававшийся неизменным практически со времен переворотов 1917 года. Дворец не имел никакой штукатурки, никогда не был такого цвета, как сейчас, а был построен по популярной в Одессе технологии шлифованного камня ракушняка, так же, как построена всем известная кирха на Новосельского. Перед «евроремонтом» он по цвету напоминал знаменитый Воронцовский дворец в Алушке, построенный, кстати,

Литография. Гросс. Вид Одессы, снятый близ Практической гавани. 1860-е. Слева Воронцовский дворец, справа дворец Бжозовского. Из собрания ОИКМ, Г253

по такой же технологии, но, конечно, из другого, крымского камня. Дворец имел отличия и от изначального архитектурного плана Гонсировского, что я приводил выше. Это касается в основном морского фасада. Главное изменение – отсутствие треугольного фронтона на косом фасаде, соединяющем две башни: вместо него сделан прямой, с зубчиками, так же, как и на всем фасаде вдоль улицы Гоголя. Зубчики эти, кстати, тоже слегка изменились, став крупнее, и уменьшились в количестве. На главной башне морского фасада, со стороны Гоголя, на проекте также видны два картуша для родовых гербов (Бжозовского и, вероятнее всего, Замойских). Вместо них было сделано слуховое окно.

1866

В 1866 году Зенон Карлович выкупил у своего соседа смежный участок земли. Я очень люблю читать старые документы. В них дух эпохи со всеми ее достоинствами и недостатками. Например,

Фрагмент другой гравюры, 1860-х гг. Дворец тут изображен несколько искаженно.
Из собрания ОИКМ, Г268

вот эта купчая крепость* (само название чего стоит!) на покупку участка земли Бжозовским. Начало – «Лета тысяча восемьсот шестьдесят шестого марта в шестнадцатый день, одесский II-й гильдии купец Исаак Давидов сын Красносельский...» – красиво ведь! А дальше мы узнаем, что сей Красносельский получил доверенность на продажу земли, но не у ее хозяина князя Сангушко, а у другого господина, по имени Тит Фомин сын Михаловский, которому князь Сангушко еще в апреле 1859-го доверил свое владение продать, но тот в октябре 1860-го передоверил это дело купцу Красносельскому. Красносельский тоже, как мы видим, не сильно спешил: сделка состоялась лишь через шесть лет. При этом и Бжозовский тоже не сам покупал эту землю – от его имени сделку совершил «Балтский купец Роман Станиславов сын Шулеминский», а документы на право собственности были отданы третьему

* ГАОО 35-2-289. Крепостная книга Одесского нотариального архива по Первой части г. Одессы. Часть I. № 1-й, на 1885 год, с. 160-163.

Роман Евстафьевич Сангушко (Roman Adam Stanisław Sanguszko). Портрет кисти Тадеуша Грохольского. 1875 год

лицу, коллежскому секретарю Викентию Звиноградскому... Невольно вспоминается «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Участок, приобретенный Зеноном Карловичем, обозначен как состоящий в «Херсонской губернии в г. Одессе, I части LXXIV квартала под № 5» площадью в 245,76 кв. саженей, что примерно равняется 1120 кв. метрам. Сам князь Роман Евстратьевич Сангушко приобрел эту землю еще в 1859 году, видимо, с целью ее продать. Бжозовский купил у него, однако не все его здешние владения, а «из двора»; в другом месте пишется, что представитель Сангушко «за ту часть пусто-

порожней земли из двора князя Романа Сангушко денег серебром пять тысяч рублей» получил, то есть за часть его земли. При этом участок, как мы видим, был «пустопорожний», то есть без каких-либо построек или обзаведений. Весь же участок земли Сангушко «по городской оценке» был оценен в 17000 рублей.

И тут обещанные несколько слов о самом князе Сангушко. Роман Евстратьевич, или Евстафьевич, – встречаются оба написания – Сангушко имел за плечами богатую историю: вот он-то как раз принимал активное участие в польском мятеже 1830-31 гг., за что был лишен княжеского титула и даже вовсе дворянства, сослан в Сибирь, причем в кандалах, пройдя путь до каторги пешком. Но затем он был переведен на Кавказ, в действующую армию, где показал себя храбрым военным и после контузии был освобожден. Княжеский титул ему вернули в 1857 году.

В документе под общим названием «Раскладочные ведомости», который выпускался практически ежегодно, и в котором определяли стоимость каждого частного строения в городе для

исчисления величины налога на недвижимость, за 1867 год говорится следующее: дом Бжозовского стоит 45000 рублей – состояние в те времена. Владения князя Сангушко оценены в 17000 рублей, и последний раз князь Сангушко упоминается в качестве владельца земли на Надеждинской улице в 1872 году, его участок был оценен в 20000 рублей.

Видимо, Бжозовский приобрел у князя этот участок с целью расширения двора – на нем сейчас находится собственно сам двор по Гоголя, первые ворота и привратничья – всего этого не было на плане Гонсиоровского.

1867

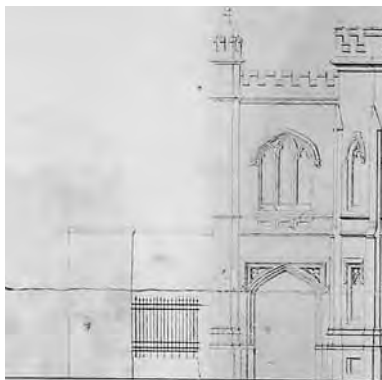
Бжозовский, как я рассказывал, вел весьма активный образ жизни, много путешествовал и много работал, ведя огромное свое хозяйство в шестнадцати имениях, пусть, конечно же, через управляющих. Поэтому в Одессе он не жил долго, приезжая сюда по необходимости или с целью отдохнуть у моря. А чтобы большой прекрасный дом не пустовал, он сдавал его в аренду. И среди его постояльцев мы уже в 1867 году находим представителя довольно легендарного рода – Унгерн-Штернберг. Об этом нам

Фрагмент архитектурного плана участка Бжозовского, 1851 (обозначен литерой «А»)

говорит тот же «Путеводитель по Одессе... и ее окрестностям. 1867 год»: «Главный директор по устройству железных дорог на юге России – д. с. с. барон Константин Константинович Унгерн фон-Штеренберг – проживает на Надеждинской улице, в доме Бржозовского». Через полвека другой барон Унгерн станет одним из лидеров Белого движения на Востоке...

Там же, в «Путеводителе...», среди комиссионеров хлебной торговли указана контора Бжозовского – по ул. Тираспольской, в собственном доме.

Фрагмент архитектурного плана дома Бжозовского, 1851 год, с изначально планировавшейся решеткой

1872

«Раскладочная ведомость» на 1872 год сообщает: «Бржезовский Зиноп, двор 50000 руб.». Как видим, варианты написания фамилии множатся и множатся, как и растет оценка дома. В 1873 указана та же сумма, а оставшаяся часть участка князя Сангушко перешла к Рафаловичам.

1874-1875

В 1874-1875 гг. налоговая оценка дома возросла до 58800 рублей. Эта сумма будет актуальна до 1878-го, а возможно, и немного позже. Интересно, что теперь среди соседей Зенона Карловича – городской голова, тайный советник Николай Александрович Новосельский с недвижимостью, оцененной в 17550 рублей. Упоминаю об этом еще и потому, что именно ему в итоге досталась остальная часть владения князя Сангушко, которую Новосельский

Старая решетка вдоль дворца Бжозовских

выкупил у Рафаловичей. Кстати о Рафаловичах. Одесский краевед Ростислав Александров в своей статье о Шахском дворце писал, что Бжозовские решили «взять на постой в начале 70-х годов XIX века потомственного почетного гражданина Одессы Федора Алексеевича (Абрамовича) Рафаловича, главу знаменитого торгового дома «Федор Рафалович и К», который проживал во дворце несколько лет вплоть до переезда в дом Катакази на Екатерининской площади, 5».

Сегодняшняя, пусть и красивая, и очень качественно сделанная решетка, опоясывающая дворец с двух сторон, в действительности – новодел, появившийся здесь в начале 2000-х. Изначально, согласно плану Гонсиоровского, ее тут и вовсе не было. Лишь небольшая решетка на каменном цоколе соединяла портик главного въезда и каменный же столп на границе с соседним участком, ограждая тем самым внутренний двор. Другая небольшая решетка, видимо, должна была соединять башню с обрывом. Перед домом планировался некий сад или скорее клумбы.

В построенном доме решетка дворца была, но совсем другой, нежели сейчас, – гораздо ниже, и тянулась только вдоль фасада по Гоголя, изолируя дворец со стороны улицы, – существующего ныне прохода вдоль морского фасада дворца тогда не существовало. Решетка шла немного ближе к дому, нежели нынешняя, продолжаясь до самого угла террасы на подпорном сооружении перед морским фасадом дворца. Таким образом, решетка не поворачивала, как сейчас, за угол, ее там просто не было. От соседнего дома по бульвару (адрес – Преображенская, 2) участок Бжозовского был отделен ступенчатой стеной, которую тоже давно разобрали.

Если посмотреть на эту фотографию, то, конечно, без труда можно увидеть и еще одно различие – в оформлении имеющихся ныне ворот, особенно главных, сделанных довольно монументальными, трехарочными, хотя и выдержанных в стиле постройки. В оригинале было двое небольших ворот, без каменных столбов и арок.

Старая решетка крупным планом

Въездные ворота ко дворцу Бжозовских

Кадр из фильма «Страницы былого», 1957 год. Здесь видно сложное строение арки.
В арке справа видна металлическая колонна, на которую навешивалась калитка, внешне похожая на стойки ограды вдоль усадьбы

На этой фотографии видно, где именно стояла арка Бжозовских (слева)

Но монументальные ворота все же были, правда, совсем в другом месте и намного больше, чем сейчас, – они перегораживали улицу Гоголя огромной аркой с воротами в центре и с двумя калитками справа и слева. Сооружение имело сложную форму с выступавшими в сторону улицы арками-контрфорсами. На кадре из фильма «Страницы былого» (1957 год) это хорошо видно. Сделаны они были из нашего ракушняка и так же, как и дворец, не оштукатурены. Сами ворота и калитки были металлическими. Рисунок ворот мы не знаем, но наверняка он перекликался с рисунком ограды дома – например, и на верхней фотографии, и на ряде других изображений арки хорошо видны металлические колонны, на которых были навешаны ка-

Колонны с цветами в арке калитки разрушенных въездных ворот дворца Бжозовских. Фотография до 1963 года

Фрагмент из фильма «А был ли Каротин», 1990 год, с оригинальной привратницкой дома Бжозовского

литки справа и слева, они в точности повторяют те членящие ограду дворца металлические столбы, только выше, но с той же верхушкой в виде вазы.

Слева на этой фотографии – дом уже советской постройки. С тем домом, что здесь был до него, по одной из легенд, дворец сыграл злую шутку – якобы его взорвали румыны, так как он мешал им любоваться окружающим пейзажем из окон дворца, но скорее всего, дворца Воронцовского, который румыны переделали под резиденцию губернатора Транснистрии. Не думаю, что это правда, судя по имеющимся снимкам августа 1944, там еще были следы разрушенного дома, и вряд ли вид взорванного дома ласкал взор румынских офицеров. Другая легенда рассказывает о судьбе арки: ее снесли примерно в 1963 году – якобы один из уже советских руководителей, живший в доме № 4, был крайне недоволен тем, что вид из окна ему загромождало это никчемное,

Подпорная стена – терраса перед морским фасадом дворца Бжозовских, современный вид

на его взгляд, сооружение.* Так или иначе, но арку снесли. Я думаю, что нынешние арочные главные ворота – это некий реверанс в сторону той самой главной арки, вписанный в новую ограду.

Находясь на краю крутого склона к морю, дворец нуждался в гарантии того, что однажды он не съедет в море, как это не раз бывало в Одессе. Решение было найдено весьма изящное и вместе с тем практичное – мощные подпорные сооружения в виде каменной стены, выдававшейся далеко вперед склона, у которого стоял дворец, образовывали террасу перед ним, увеличивая тем самым площадь участка. Именно практически до угла этих подпорных сооружений тянулась старая решетка.

Попасть на террасу с прекрасным видом на море и прогуляться вдоль главного, морского фасада можно было через дверь, находившуюся несколько в глубине между угловой башней и ризалитом. На фотографиях, где можно ее разглядеть, видно и изящно

* Сообщение от polvnic, <http://odessa-history.livejournal.com/116792.html?view=643640#t643640>

Снимок сделан в 1977 году, и на нем видно отсутствие здесь решетки. А также видна изначальная обработка стен без всякой штукатурки

расширяющуюся к низу лестницу. Спустившись по ней, ты попадад на собственную террасу, огороженную с одной стороны металлической решеткой, о которой мы говорили выше, а с другой – стеной и террасой соседнего особняка Липковских.

Продолжение следует

